

Федор
Быков

Федор Иванович Быков
Свет любви
Поэтический сборник

Редактор	Лобышева Н.В.
Технический редактор	Годубин Г.Е.
Набор	Восходова О.Г.
Фото	Кем В.В.
Корректор	Белюсикова Н.В.

Сборник иллюстрирован картинами
Ф.И.Быкова

Отпечатано по заказу Прокопьевского
районного отдела культуры и кино
в компьютерном центре
Прокопьевского аграрного
1997 год

Свет любви

0-3
N-262

Федор Быков

СВЕТ ЛЮБВИ

1997 г

Федор Иванович Быков родился 29 сентября 1922 г. Более полувека он живет и трудится в поселке Школьном. Все эти годы самобытный режиссер, художник и поэт Федор Иванович идет своей однажды выбранной дорогой творца.

Он был и остается всегда среди людей, среди творческих единомышленников. В жизни, в людях черпает Федор Иванович свое вдохновение. Они есть источник и содержание его творчества.

Федор Иванович любит жизнь за то, что живет. Он любит солнце, за то, что оно греет, дерево за то, что оно живет и зеленеет.

Он считает, что каждое мгновение жизни неповторимо, что пройтись утром босиком по траве - блаженство.

Он не стремился к богатству и не нажил его.

Богатство Федора Ивановича - это его окружение, широкие связи с внешним миром.

Пройдя через огромные испытания, он пришел к ощущению счастья жизни в каждой малости бытия и смог сам быть счастливым и сделать счастливыми близких. Он остается верен своему призванию.

Он стремится к тому, чтобы от его стихов, написанных душой и сердцем исходил свет любви ко всем живущим на родной земле.

Я - сын из крестьянского рода

Почему на сердце замять?
Отчего тревога?
Поднатужься, моя память,
Вспомни ради бога!

Проясни, что позабыто,
Что ушло бесплодно.
О всем, что жито - пережито
Расскажи подробно.

Мне сейчас необходимо -
В годы на исходе,
Все собрать, как бы в едино,
Для оценки, вроде,
Для ревизии, точнее,
Дел моих, поступков.
Я старался жить скромнее
В этом мире жутком.

Не завидовал соседу
И не брал чужого.
Никому не делал сроду
Ничего худого.

Я из рода тех сословий,
Что в конце двадцатых
Без особых предисловий
Были прочь изгнаны.

Из обжитых мест той дали,
Где отцы и деды
Также сеяли, пахали,
Как и их прадеды.

Оторвали хлеборобов
От земного жита.
Довела их всех до гроба
Сталинская свита.

Приложила на чело
Вплоть до иждивенца -
Душу жгучее клеймо -
"Спецпереселенца".

То ли комбедовцы в дружной упряжке,
Решавшие важный "Кулацкий вопрос",
То ли чекисты с наганом на ляжке
Крестьян, загонявшие стадом в колхоз?

Но это всего лишь, те жалкие "гунны",
Что слепо старались с плеча все рубить,
А главное "выпри" с кремлевской трибуны
Народ православный учили как жить.

Они то и стали причиной раскола
И без того чуть живых деревень.
Такого мужик не видел произвола
С начала Руси по сегодняшний день.

И что им за дело, что гибнут деревни,
Что выбит мужик на скаку из седла?
Много ли нужно приложить умения,
Чтоб тот заплясал перед дулом ружья?

Плясал он до одури в год проразверстки,
Плясал и тогда, когда сверху вопрос
Решался деревней на экстренной сходке,
Повестка которой - "Вступление в колхоз".

Не всем в тот колхоз была ясной дорога,
Не каждый а ней видел заманчивый толк.
Иной распростившись с землей у порога,
Бежал в неизвестность, как загнанный волк.

Бежал, оставляя семью и подворье,
С надеждой найти в этом жизненный прок,
Но всюду он видел, лишь слезы, да горе
Людей, ошелевших от смут и тревог.

Звякнув щеколдой, открылась со скрипом
Капитка, впуская, во двор молодца.
Пять сажен, не больше, по выбитым плитам
Осталось пройти до ступенек крыльца.

Родное подворье, ты в памяти жившее
Все эти годы в смиренной тоске.
Ты вновь пробудило, как признак возникшее,
Горькую смуту той жизни во мне.

Отсюда весною, в суровых тридцатых,
Когда в деревнях поделили крестьян,
Отца в числе первых по списку "богатых"
Погнали в Нарым за седой Васюган.

А вместе и нас несмышленных, кудлатых,
Не видевших жизни еще ни шиша,
Но смело ступивших на почву крылатых
Идей новой жизни в краю Иртыша.

Нельзя то представить, что сроду не видел,
Что сам в своей жизни не пережил.
Трудно все взвесив, понять кто обидел,
Кто тебе тяжкое зло причинил?

Пустели деревни кормильцев теряя,
Бледнела земля без мозолистых рук.
Некому стало в сев раннего мая
Ходить бороздой, налегая на плуг.

Мне, кажется, еще вчера
Я к Школьному спустился с Красной Горки
Под музыку июньского утра
В погонах на защитной гимнастерке.

Мне, кажется, еще вчера
Я пробовал себя на верность сцене,
Бросая репетиций вечера,
К ногам маститой Мельпомены.

Мне, кажется, еще вчера
Я любовался девушкой в молчаны
Пока от зависти заря,
Не выдержав простилась с нами.

Мне, кажется, еще вчера
Я верил в молодость без меры...
Но эта юности пора
Не ужилась с потомком веры.

Мелькнула искрой на заре,
Исчезла без возврата,
Отметив след в календаре,
Полсотней лет театра.

1996 г.

Один живу. Мне никого не надо.
Я сам себе и бог, и Царь.
Мое жилье - моя отрада.
Я в нем по праву - Государь.

Никто меня ни днем, ни ночью
Не понукает, не пилит,
Не льет в лицо мне брань сорочью
И серым волком не глядит.

Я каждый день с утра включаюсь
В свои привычные дела.
Восходу Солнца улыбаюсь,
Тружусь до самого темна.

Так легче мне, когда все тело,
Вобрав в себя поток добра,
Идет в строю легко и смело
Со старта каждого утра.

1997 г.

Как хотелось еще походить по земле
Потоптать ее милую матушку.
И воспрянув душой, подышать на заре,
Развалясь на российскую травушку.

Позабыть, насладясь чистой негой утра,
Про нужду, что годами преследуя,
Порождала в груди вспышки горького зла,
А за что? Право - слово не ведаю.

То ли за то, что родился в семье
Мужика конским потом, пропахшего?
То ли за то, что до селе нигде
Не свершил ничего подходящего?

ПОМНИ ТЕХ, КТО ЗАЩИТИЛ ОТЧИЗНУ

Я хотел бы спокойно пожить,
Отряхнувшись от горького, прошлого.
Мне не хочется хлам ворошить,
Не люблю вспоминать годы прошлого.

Мне, наверно, с рождения дано
Все живое улыбкой одаривать.
И при этом хоть, правда, смешно
Я привык сам с собой разговаривать.

Только стоит мне где-нибудь чуть
Почувствовать миг одиночества,
Как сейчас же словесная муть
Обретает подобие творчества.

ДЕДА С БАБОЙ МОЛОДЫЕ

В рамке старенькой сидят
Деда с бабой молодые,
Улыбаясь нам, глядят
На наши лица озорные.

Я спросила как-то маму:
"Почему я их не знаю?
Где они в каком дому
Проводят молодость свою?"

Улыбнулась горько мама,
Слезу смахнув леонько с глаз,
И сказала: "Эта драма
Не одних коснулась нас."

В год военный, сорок первый
Дед убит был под Москвой,
А баба в год послевоенный
Умерла от ран зимой."

1997 г.

МОЙ ДЕД

Дед сидит перед зеркалом в сенях
И расческой наводит красоту.
Я сижу у него на коленях
И медали со звоном трясу.

"Расскажи мне, пожалуйста, деда,
Что ты делал, тогда на войне?
Где тебя повстречала победа?
И медали повесили где?"

Дай одну поносить мне так просто?
Обещаю, что завтра отдам.
А как вырасту с дяденьку ростом -
Накоплю себе столько же сам".

Дед и я по-военному строго
К обелиску на праздник идем
И, сверкая медалями оба,
По цветочку тюльпанов несем.

1997 г.

Лирическое произведение о деде, о его прошлом и настоящем. В нем говорится о том, что дед сидит перед зеркалом в сенях и наводит красоту, а внучка сидит у него на коленях и трясет медалями со звоном. Это напоминает о прошлом, о военных годах.

Родила женщина. Родила дочь и сына.
Казалось счастье привалило ей сполна.
Что эта, нарисованная нежностью картина
Не смоется с живого полотна.

И вечно будет жить, как и вся природа,
Что от роду не меняется ни в чем:
Все та же даль, все те же смены года
И небеса, подпертые березовым плечом.

Все, кажется, незыблально на свете.
И не предвидится печального конца.
Растут, мужая, с каждым годом дети,
А в час разлуки плачут у крыльца.

Уехал сын. И в дом свой не вернулся.
И хоженую тропку навсегда забыл.
В солдатские ботинки он намертво обулся
И в вечный мир без почестей отбыл.

Пришла, петляя по дорогам похоронка:
...Смертью храбрых пал ваш сын и брат...
В слезах бежит ровесница - девчонка,
Сестра погибшего, в его военкомат.

Стучат колеса, отмеряя версты.
От грома песен прыгает вагон.
И чем ближе к фронту военные медсестры
Заметно женственнее становятся лицом.

Уехала и дочь. И в дом свой не вернулась.
И хоженую тропку так и не нашла.
В солдатские сапожки накрепко обулась
И в вечный мир безропотно ушла.

И снова в доме извещает похоронка:
...Смертью храбрых пала ваша дочь...
В глубоком трауре рыдает мать девчонки
И просит Господа слезам ее помочь.

93 год

К ОБЕЛИСКУ

Завтра встану я чуть свет
И напишу записку:
"Я понесла цветов букет
К подножью обелиска.

Пусть порадуются все
Дедушки с поселка,
Что лежат в сырой земле
И страдают горько.

Пусть почувствуют они
И в дальнейшем знают,
Что все внуки из родни
Им покой желают."

Здесь песней полнится душа

БАБУШКА - ФРОНТОВИЧКА

Мою бабушку - медичку
Называют фронтовичкой,

Потому что в дни войны
Имела должность медсестры.

Под градом пуль и при бомбежке
Бинтовала дядям ножки,

А тех, кто ранен, сильно воя,
Выносила с поля боя.

Ей все спасибо говорили,
Сквозь боль улыбки ей дарили.

Моя бабушка - талант.
Она гвардии сержант.

На груди у неё медали
За отвагу все их дали.

Я громко в ушко ей кричу:
- "Тебя я, бабушка, люблю!"

ГЕНРИХ БОЛШЕВИК И ЕГО СЛОВА

И снова листопад -
Пора задумчивой печали!
Я не грущу - напротив рад.
Люблю в глухи своей причалы.

Люблю певучий ветра стон
В порывах мимолетных
И вибрирующий звон
Сухой листвы в сетях тенетных.

Как пахнет прелою листвой
Насквозь, пропитанной дождями!
В тени настоящей росой
И что заманчиво - груздями.

Здесь песней полнится душа.
Поет она, как в светлый праздник.
Траву с листвою вороша,
Ей подпевает ветер - странник.

Коснулося осени лето
И зrimо убавились дни.
В плащах золотистого цвета
Маячат березы в дали.

И рады - радехоньки нивы
В звенящих колосьях зерну,
Слагая под ветра мотивы,
Хвалебные гимны ему.

Опять по полю веет
С южной стороны.
Под солнцем колос зреет
Чудовищной длины.

То вроде бы не колос,
А все же ему брат.
С макушки прядки волос
Свесились назад.

Стонет ногой уперся
В пазуху листвы,
Одежками прикрылся -
Стыдится наготы.

Пришла пора уборки -
Полевой обузы.
Открыл початок створки
Созревшей кукурузы.

Промелькнула опавшей листвой, об
Напоенная влагою осень.
Сквозь притихший березовый строй
Хладно льется небесная просинь.

Не измерить глазами ширь - даль,
Не напиться бодрящей прохладой.
Эту к ночи закатную гарь
Не закрасить губною помадой.

В сердце радость и нежный покой.
Тело стрессовой бодрости просит.
Вдохновенье бурливой рекой
Запоздалые рифмы торосит.

1995 г.

Как воины Невского на Чудском,
Подняв сухие копья камыши,
Стоят во льду на морозе жутком
В плену заветренной тиши.

Зимой никто их не тревожит -
Не привлекает листвьев глушь.
Ни одна их тварь не гложет -
Кому нужна такая сушь?

Но то ли дело они летом!
Когда в июльскую жару
Изумрудно - луковичным цветом
Блестят под солнцем на ветру.

1997 г.

Южное взгорье солнцем залито.
Лесная поляна под стадом коров.
Соцветья черемух, словно из сата,
Сеют к подножью труху лепестков.

Слышится счет непоседы - кукушки
Под жалящий выстрел льняного хлыста
В награду за смелость строптивой телушки
От верного друга в лице пастуха.

Радостно сердцу от свежести мыслей.
От нежного взора, искрящихся глаз,
От мирно парящих в безоблачной выси
Ворон, согревающих верностью нас.

1997 г.

Мой путь домой по косогору.
Иду знакомою тропой.
Еще осилю одну гору
И вот он дом, крестовый мой

Стоит под шиферною крышей
В тени берез и острых пихт.
Он ничуть других не выше,
Он как и все и прост, и тих.

Но зато он форс имеет.
Он переехал на санях
Через лог и не робеет,
Стоит в ряду, прогал заняв.

1997.

Гром вдали грохочет где-то.
Заря спускается за лес.
Август - месяц тянет лето
Вместе с солнышком с небес.

Последний месяц, в смысле клева,
В среде капризных карасей.
По части доброго улова,
К сожалению, нет вестей.

Зачем идешь, мечту лелеешь?
Зачем напрасно ноги бьешь?
Все равно, сколь не радеешь,
С пустым садком домой пойдешь.

1997 г.

Совсем продрог, а не охота
С места сдвинуться в закатный час.
Словно знающий проказы кто-то,
Приковал меня, как напоказ.

Стою, а сердце птицей рвется
В объятьях меркнущей поры,
В багряный мир, где месяц трется
Горбом о всполохи зари,

Где полоса по край дороги
Сетчатых, стройных тополей,
Ласкаясь с небом, греет ноги,
Воткнув в сугробы поплотней.

В едва заметном оседанье,
Почти с безоблачных высот,
Мне кажется, идет лобзанье
Снежинок с нежностью ворот.

1997 г.

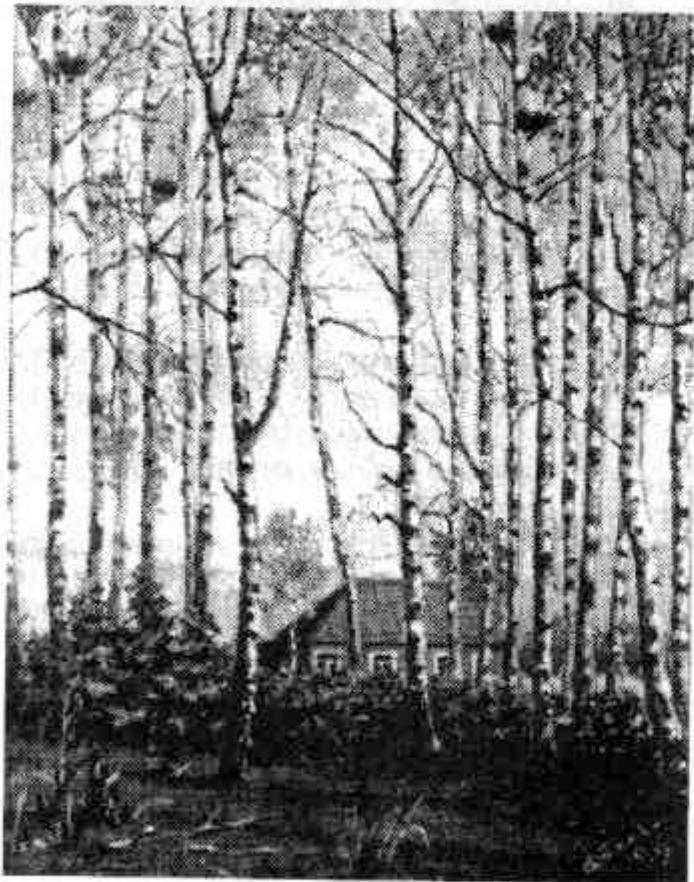
За холодной сиреневой дымкой
Исчезала знакомая даль.
Опустился мороз невидимкой
И ткет на деревьях вуаль.

В высоком темнеющем небе
Полощет кровавый пожар.
И хладно на снежные гребни
Льет свой малиновый жар.

А там на окраине деревни,
Где избы в сугробы вросли,
Словно, очнувшись от лени,
Запрыгали в окнах огни.

На эту земную картину
И вышел взглянуть с высоты
Прозрачный, как будто из льдины,
Серп серебристой луны.

Мне не забыть миг утренней
прохлады

Мне не забыть миг утренней прохлады;
Когда над далью голубой
Заря, раскинув розовые фадды,
С порой встречалась золотой.

Под вздохи ветра лист струился
К подножью, горестно шепча,
В кустах тенетник серебрился
В багряном отлеске луча.
По влажным зарослям низины
Туман, как вешняя река,
Клубясь катился вдоль лощины
Прямой дорогой в облака.

1996 г.

Юный месяц в небесах золотистых
Над снежной крышей выгнула бровь.
Сквозь частокол берез безлистых
Сочится жаром заката кровь.

Все ожило в березовом затоне.
Заискрилась изморозь, дымясь.
Багряным отлеском на бархатистой кроне
Загралась девственная ясь.

Багровый "зайчик" присел к ногам пудовым
От всполоха зари нет сил переступить.
И я смотрю на все с каким-то чувством новым,
А сердцу хочется по-старому любить.

1997 г.

Трепещут листья на березках.
Разговор живой ведут:
О пышной кроне, о сережках,
Что в их пазухах растут,

О берестяных сарафанах -
Из моды вечной старины,
Висящих вроде как на дамах,
Касаясь складками земли,

Да о том, как вечерами,
Прижавшись к "Дереву Любви",
Воркуют пары голубками
Под шепот трепетной листвы.

1997 г.

То ли вечерняя дымка над прудом,
То ли слегка охладевший туман
Опускается розовым кругом
Над сверкающей рябью экран.

Тишина приземлилась на склоны
В комариной застылой толчее.
С важной поступью ходят вороны,
Роясь клювами в бывшем ручье.

Все заметней крадутся тени,
Солнце клонится, словно в пастель.
Где-то в согре без капельки лени
Все скрипит и скрипит коростель.

Нету ближе и преданней друга,
Бескорыстней, чем старенький пруд.
Он в минуты дневного досуга
Всем безропотно дарит приют.

С восторгом смотрят тополя
На полыхающий закат в полнеба.
Зарделись в отблеске поля
От созревающего хлеба.

Багряный пруд притих к ночи,
Затих и шум берез околкою
И только слышно, как кричит,
Детей сзываая перепелка,

1997 Да, где-то в розовой дали,
Стучит по рельсам электричка,
Возвращая в память дни,
Давно сгоревшие, как спичка.

1997 г.

Грибные поляны,
Лесочки с калиной.
Густые туманы,
Дни с паутиной.

Глазам нет предела.
Нет удержу слуху.
Взбодренное тело
Летит что есть духу.

Мелькает кустарник,
Рябит кровохлебка.
Стегает шишкарник,
Причем, очень хлестко.

Бегу тороплюся,
Лелея затею.
И очень боюсь я,
Что в срок не успею

К вечернему пруду
В пик жадного клева,
Знакомого люду
По весу улова.

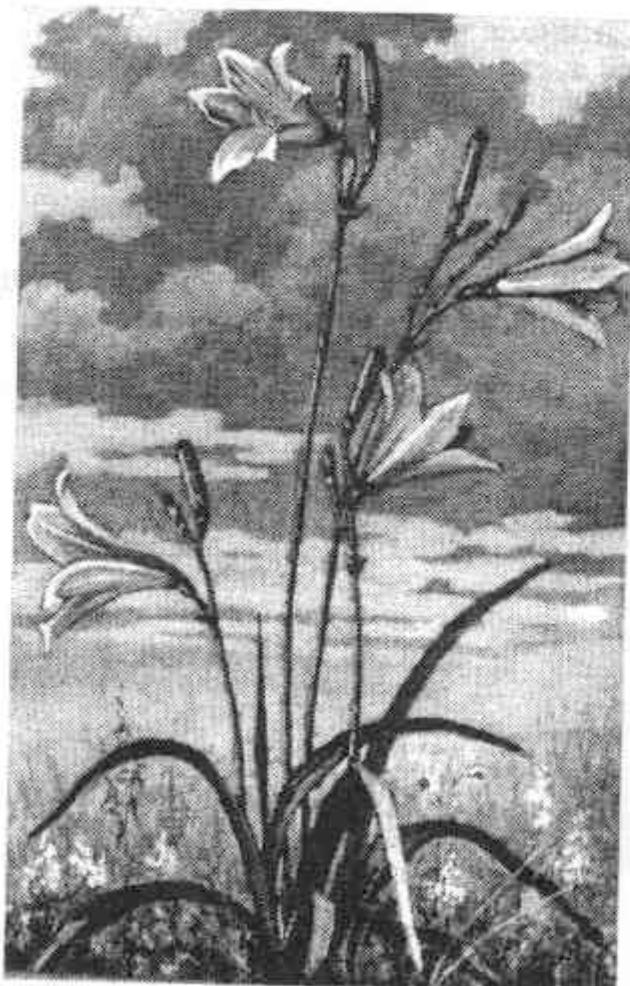
1996 г.

Вот я и снова утро встречаю,
Свежее с легкой прохладой.
По имени - отчеству вслух величаю
Его появление над хатой.

Сердце трепещет от радости птицей,
В уши вливается звуками новь.
Мне хочется петь вместе с песней синицы;
Выгнув, как в юности шалую бровь.

1997 г.

Спасибо солнцу от всего живого

Прыгают по жердочкам на крыше,
Чиркая, от счастья воробы,
А солнышко из светло-синей тиши
Дарит им тепло своей любви.

Спасибо солнцу от всего живого
За каждодневный утренний восход.
Нам не нужно ничего другого
Лишь был бы чистым небосвод,

Да на земле в краю реформ и перестройки,
Цвели сады, да колосилась рожь,
Что б старики забыли про помойки,
А бить баклушки перестала молодежь.

Опомнись, Русь! Куда идешь - шагаешь?
Не ровен час и в пропасть угодишь?
Ведь было уж - ты это знаешь
И до сих пор ты от нее кряхтишь.

1997 г.

Что-то несказанное пришло
На чистое убранство кружевное.
К земле приникшее тепло
На волю манит все живое.

Еще сугробы на полях
И крыши в тающих косынках,
А на воспрявших тополях
Стоит галдеж, словно на рынках.

Идет для всех знакомый спор:
То разгорается, то тише...
Идет война за каждый двор,
За каждый угол в каждой крыше.

В хлеву, за отпerteм окном,
Сопит корова, раздувая ноздри,
И жадно тянется в его проем
Куда-то в даль, где скрывались звезды.

На куче мерзлого назьма,
В трухе рассыпанной соломы,
Идет куриная возня
Под петушиный крик знакомый.

И я стою в двери крыльца
На миг от жизни отрешенный
С душой печального вдовца
Капелью звонкой окропленный.

Тревожно чиркнул в прыжке воробей
И взмыл в синеву, крыл не чуя.
Я крикнул ему: - "Погоди, не робей,
Очнись, по задворкам кочуй!"

Не знаю, он понял иль нет мой навет,
Но я его шалости знаю -
Этот криклиwyй и вздорный субъект
Мигом заявится в стаю.

Манит солнце за околицу,
В родные видами места.
К ним змеей чересполосицу
Протянулася верста.

Двугорбый холм с гурьбой березок
Спустился с двух сторон к логам.
С вершин его, вдоль тех березок
Веду знакомый счет шагам.

В ногах чуть слышная усталость
Торопит засветло пройти
Ту, оставшуюся малость,
Непройденного пути.

И вот он - финиш! На обрыве
Стоит повислая ветла
И без конца водой в заливе
Моет ветви добела.

Чтобы лечь мазками красок
В чистом виде естества,
Без экзотических прикрасок
На грань картонного листа.

1997 г.

За прозрачную сетку кленовых ветвей
Уставшее солнце садится.
Мне хочется руки подставить скорей
Не дать ему в бездну спуститься.

Не дать, чтоб во мрак погрузилась земля
И место, где вот уж полвека
Степенно шагает вся жизень моя -
Простого в делах человека.

Мне хочется вдовий отрезок прожить
При свете - без тьмы и печали.
И добрую память навек сохранить
О той, с кем свой путь начинали.

Что в жизни главное
сегодня?

Не с той я ноты, вроде начал.
Не то запел знать вспыхах.
Себя порядком озадачил
Подбором темы для стиха?

Все приходящее не блещет,
Не придает настрой душе,
Словно это к носке вещи,
Стают немодными уже.

Что в жизни главное сегодня?
К чему радеет человек?
Мне хочется свободно,
Смело войти в грядущий век.

И, оседлав в нем жизнь сходу,
К себе не требуя любви,
Я не брошу свою моду
Любить людей любой крови.

Но только тех, кто верен богу,
Кто честно тянет в гору воз,
Кто не теряет в строю ногу,
Не создает в быту хаос.

1997 г.

Милая, хорошая, родная ...
Ну, как еще душевнее назвать?
Кроме, как "любимая", едва ли,
Можно что-то лучшее сказать.

Нет такой, как ты, в моей округе.
Может быть и есть, но далеко,
Даже быстрым птицам на досуге
Отыскать такую нелегко.

Пусть была лицом ты некрасива,
Быть может, чем другим не хороша,
Но у тебя прекрасною на диво
Была для всех открытая душа.

И я душевной ласкою плененный,
Другого ничего не замечал.
Может быть, поэтому влюбленный
Я столько лет с тобою прошагал?

И теперь, когда пути, наши дороги,
Безвременно на время разошлись
Надо, чтобы наши с тобой боги
По своему беречь нас принялись.

Незаметно пала тень густая
На золотой овсяный плес.
Бесцельно по меже шагая,
На спелость пробуя овес.

Иду и думаю: как просто,
Вот иду я, праздный человек,
Ведь я бы мог растить пшеницу, просо,
Кормить людей без мала век.

Но получилось все наоборот.
Я первым стал нахлебником, как вроде.
Мне пришлось открыть пошире рот
И затеряться в городском народе.

1997 г.

Ушло мое солнышко
За высокую гору.
И померкла сторонушка
В ту печальную пору.

На шестах под навесом
Раскудахтались куры.
В алом небе над лесом
Ждут влюбленных Амуры.

Мечут стрелы прицельно,
Прямо схода в сердца.
Сказки этой, наверно,
Я дождался конца.

Не пронзят мое сердце
Стрелы вечной любви!
Нет на свете умельца
По части этой стрельбы.

1997 г.

Одно осталось от строенья
Нашей старенькой избы
Это лик ее творенья
На холсте мазком кисти,

Да появление человека...
Здесь, зимой в глухую ночь
Полноправным членом века
На свет родилась кроха - дочь.

С русским именем Елена
С доброй пламенной душой,
Словно это Мельпомена
Вновь явилась в мир живой,

Чтоб поднять над миром факел,
Открывая в даль глаза,
Тем, кто их все время прятал
В дни, когда прошла гроза.

Боль в моем теле чисто
душевная.
Она появилась, как сумрак в саду.
Я с грустью вливаюсь в потоки
свершения
Суетных дней в юбилейном году.

Осень стоит в серебре паутины,
С открытым простором для
вьюжных ветров,
С красными кистями спелой рябины,
С рядами поленниц напиленных
дров.

Такою, недавно, знакомой картиной
Встречали меня мои семьдесят
лет
Мне, кажется, я подгонял
хворостиной
Годы, которым забвения нет.

Моя жизнь на исходе,
а жить-то я вроде
Только лишь начал вчера.
Не раз приходилось
мне слышать в народе
Такие же точно слова.
Как мало и бедно
живем мы на свете.
Все спорим, да видим
в друг друге врага.
Ведь нет уже места
на целой планете
Куда б не ступила
людская нога.
А что нам делить?
и зачем вечно спорить?
Ругаться о том,
о чем Бог не велел?
Не лучше ли будет
усилье удвоить
На вид улучшенья
всех жизненных дел?

Мне смолоду знакомый этот вид,
Его наряд и сумрак тощий,
Но сердце отчего-то все болит,
Когда я прохожу по этой роще.

Откуда в сердце эта боль?
С какого неба опустилась?
Не предъявив мне свой пароль,
Так прочно в грудь мою вселилась?

Я долго думал, все искал
Моим волнениям причину
И, наконец, себя поймал
На мысли: " что я за скотина,
Какой заезженный Пегас!"
Не мог понять, хоть и не пьяный,
Ведь это первый в жизни раз
Я здесь прошел с моей Татьяной!

Грусть и радость поделили пополам
В моей груди возвышенные чувства.
И я не знаю и не помню сам,
Когда и как все это вышло?

Наверно, утром, в час зари,
Когда случайно я взглянул в окошко
И удивился: - неужели снегири
Рассыпались по елям и дорожкам?

Внезапно снег, упав в ночи,
Он тяжестью своей принизил ветви.
От этой нови, хоть кричи,
Иль прыгай, как бывало: в детстве!

Не знаю я, быть может, и другим
Дано такое же в кавычках счастье,
Не подражая грамма молодым,
Грустить и прыгать в одночасье.

Душу гневом распирает,
В сердце боль под вид нытья.
Отчего это бывает?
Говорят все от житья.

Говорят от той неправды,
Что растлевала чуть не век
В разгар безудержной бравады
Сотен тысяч человек.

Да что там тысяч? Миллионов,
Вошедших в образы немых.
Мы не привыкли жить без стонов.
Нам как-то скучно жить без них.

И это горькое признанье
С шутливой ноткою в конце
Как бы от терпкого лобзанья,
Глумясь, искрится на лице.

Ну вот и умер человек,
Ушел под плач в безмолвье.
Недолго длился его век,
Растеряв в пути здоровье.

Он измерил жизнь с лихвой:
Познал нужду, познал и счастье.
Коснулся славы фронтовой
С глотком духовного причастья,

Настоянного на ветвях судьбы
В кругу людского постоянства
С чертой душевной простоты,
Не знающей пороков пьянства.

Прощай наш славный человек!
Возьми с собой тепла частицу.
Пусть она в твой вечный век
Тебе там станет верной жрицей.

Я никогда ни перед кем не льщу
И не разбрасываю чувства градом.
Мне сегодня радостно и я пою,
Пою о том, что ты со мною рядом,
Что вновь забытое тепло
Ко мне вернулось с поцелуя.
Все вдруг ожило, зацвело
И все задвигалось, ликуя.

Блажен тот миг, что породил
Тебя на счастье мне под старость.
Он мне как будто подарил
Вторую жизнь при всех на память.

Я снова в плену у истока весны,
Обласканный солнечным светом.
Мне, кажется, вижу я вещие сны
И все забываю при этом.

Ничего не волнует сегодня меня:
Ни страх, ни обман и ни цены.
Я сегодня во власти особого дня,
Когда зримо видны перемены.

Отступает зима, дав дорогу весне.
Срок настал смены времени года.
И лазурью светясь; словно, в руки ко мне
Синь струится из уст небосвода.

За оградой, в логу грохот талой воды
Монотонный, но слышится четко.
Этот водный поток, будто конь без узды;
С пенной гривою скачет по кочкам.

1995 г.

Нет я не был верхоглядом
Живу, как всякий человек.
Я мечтал с любимой рядом
Прошагать свой долгий век,

Допить всю жизнь без остатка,
Отбросив в сторону нытье,
Хоть временами и несладко
Давалось наше нам житье.

Любви натянутые струны,
Издавая нежный звук,
Вселяли в нас мечту фортуны,
Стирая гарь с житейских мук.

Летят года, как телевести,
Слегка морщина плоть лица.
Еще бы жить, да жить нам вместе,
Рассвет встречая у крыльца.

Так нет. Пришла пора разлуки,
Вонзив в судьбу страданий нож,
Открыла настежь двери скуке
И не смущилась ни на грош.

Увлекла под всхлип рыданий
В безмолвный мир, под вечный кров
Одну из божеских созданий -
Мою нетленную любовь.